

УДК 821.111

**КРИТИКА ГЕДОНИЗМА
В ПОЭМЕ ЭДМУНДА СПЕНСЕРА
«ΜΙΥΟΡΟΤΜΟS, ИЛИ СУДЬБА МОТЫЛЬКА»**

Ирина Игоревна Бурова

д. филол. н., профессор кафедры истории зарубежных литератур

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11. irinaburova@hotmail.com

Эпиллий Э. Спенсера «Μιυοροτμοs, или Судьба Мотылька» рассматривается в контексте восприятия и осмысления гедонизма в ренессансной Англии, где он ошибочно ассоциировался с учением Эпикура и подвергался суровой критике гуманистов на протяжении всего XVI столетия. В отличие от итальянских апологетов чувственных удовольствий как источников человеческого счастья, английские мыслители полагали, что истинное удовольствие должно иметь скорее интеллектуальный характер, нежели физический. Необузданное стремление героя поэмы Спенсера мотылька Клариона к чувственным наслаждениям перекликается с общим умонастроением эпохи Возрождения, нашедшим отражение в многочисленных философских и педагогических трактатах той эпохи. Сюжет эпиллия, основанный на открывающей шестую книгу «Метаморфоз» Овидия истории Арахны, дает поэту возможность показать, как в прекрасном мотыльке рождается и усиливается жажда чувственных удовольствий, однако кратковременное счастье, которое он испытывает, потворствуя этим своим стремлениям, оказывается иллюзорным, а гедонистические порывы приводят прелестное создание к гибели. Опасность гедонизма подчеркивается в образной системе эпиллия тем, что паук Арагнолл действует против Клариона в союзе с ветром, который в христианском символизме устойчиво ассоциируется с сатанинским началом. Э. Спенсер объективно разделял эвдемонизм итальянских поклонников Эпикура, однако использовал историю о Кларионе в качестве повода для критики гедонизма и утверждения этического идеала умеренности как золотой середины между крайностями, гедонизмом и аскетизмом.

Ключевые слова: Эдмунд Спенсер; ренессансный гедонизм; ренессансный эпикуреизм; критика гедонизма; эпиллий; Μιυοροτμοs; золотая середина.

Существенной чертой эстетики Возрождения является оправдание плотских наслаждений («реабилитация плоти»), крайним проявлением которой стал ренессансный гедонизм. В Англию XVI столетия, как и в другие западноевропейские страны, гедонистические умонастроения, воспринимавшиеся как проявление эпикуреизма вплоть до выхода в свет «Анатомии меланхолии» (1621) Р. Бертона [Burton 1903: 117–118], пришли из Италии, вступив в противоречие со строгим протестантским видением смысла жизни. Тюдоровские гуманисты отнюдь не отрицали представления о счастье как норме бытия (оно лишь укрепилось с проникновением в Англию идей Аристотеля, изложенных в «Никомаховой этике» [1097a: 30–34; 1098a: 13; Aristotle 2000: 10–11]. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к «Утопии» Т. Мора, где право на счастливую

жизнь утверждается ссылкой на желание Бога видеть людей счастливыми, а счастье жителей острова обусловлено тем, что эпикуреизм в Утопии был возведен в ранг универсального политического принципа [Nichols 1976: 180–185]. Однако английские мыслители не ставили знака равенства между счастьем и чувственным наслаждением, как это делали итальянские мыслители (прежде всего, Манетти и Валла), переводя свои рассуждения в плоскость высокой морали и полагая, что по-настоящему счастливым может быть только тот, для кого взлелеянная воспитанием добродетель стала естественной нормой поведения. Т. Мор, в частности, оправдывал гедонистические устремления только в том случае, если они были связаны с получением «честных и благородных» наслаждений, даруемых духовной свободой и просвещением [More 1965: 134]. По-

добные замечания рассыпаны во многих трактатах средне- и позднетюдоровского периодов, от «Школьного наставника» (1570, опуб. посмертно) королевского воспитателя Роджера Эскема [Ascham 1864: 65; 115] до «Основ» (1582) директора лондонской школы гильдии суконщиков Ричарда Мулкастера [Mulcaster 1903: 35; 40–41; 43; 46], показывая, что ренессансный гедонизм воспринимался в Англии критически.

Сложно сказать, на основании каких источников английские моралисты строили свои представления об итальянском гедонизме, все ли они читали итальянские трактаты или же воспринимали идеи опосредованно. Несомненно одно: представление о гедонизме формировалось в Англии прежде всего под влиянием учения Л. Валлы.

Итальянские последователи Эпикура пугали английских гуманистов убежденностью в том, что мир создан для того, чтобы человек мог всегда быть радостным и веселым [Стам 1984: 39], – это воспринималось как апология праздности, несовместимой с гуманистическим идеалом человека, в который закладывалось представление о необходимости быть полезным государству. Философский диалог Валлы «Об истинном и ложном благе», в котором автор с опорой на «Никомахову этику» восхвалял органы чувств за то, что они несут человеку наслаждения, порицал тех, кто сторонится радостей жизни, и связывал получение удовольствия с разнообразием и умением забывать о горестях [Валла 1981: 80; 85], считался вредным, сбивающим с толку произведением. Валлу в Англии воспринимали непосредственно, благодаря базельскому изданию трудов (1540), или через Эразма – как искусного софиста, мастера красноречия, потенциально опасного для нравственного здоровья читателей-протестантов, поскольку радикальная концепция католика Валлы, по сути, отрицала все, что не является источником наслаждения, например, даже такую бесспорную добродетель, как героизм [Lorch 1991].

Эпикуреизм в том виде, в котором его толковал Валла, вызывал явное неодобрение англичан, причем это неприятие распространялось на самого Эпикура, воспринимавшегося как поборника обильных возлияний, обжорства и прочих излишеств [Allen 1944: 1–2]. Интересно, что при этом никто из английских оппонентов Валлы не опровергал его тезисы о том, что аскетический образ

жизни является противоестественным (в гл. 21 первой книги трактата Валла без обвиняков называл его поборников «уродами» [Валла 1981: 86]), никто не критиковал мысль о том, что человек совершает ошибку, пренебрегая драгоценностями, произведениями искусства, театральными зрелищами, музыкой, прекрасными лошадьми или собаками, не отдавая дань красоте окружающего мира. В то же время, порицая последователей Эпикура, английские авторы сходились в мысли о том, что этические нормы, установленные в обществе, играют ограничительную функцию в реализации стремления к наслаждению, т. е. добродетель оказывается средством для получения истинного наслаждения, управляет чувствами, сдерживая их и побуждая следовать подобающим наслаждениям и в подобающее время. Такого рода рассуждения, например, побудили Р. Мулкастера проводить грань между достойными удовольствиями (pleasures) и пустыми, тщетными развлечениями (vain pleasures) [Mulcaster 1903: 40].

Тем не менее очевидно, что в интеллектуальной элите тюдоровской Англии было достаточно адептов гедонизма, иначе моралисты не стали бы столь дружно доказывать ложность чувственного парадиза и утверждать, что источником высшего удовольствия может быть интеллектуальная деятельность, в которой разум априори контролирует стремление к наслаждению [Ascham 1864: 65]. В связи с этим уместно напомнить о красноречивых названиях популярных в елизаветинскую эпоху книг развлекательного характера: «Дворец удовольствий» Уильяма Пейнтера и «Малый дворец удовольствий» Джорджа Пети, предполагающих, что чтение является безусловным источником благородного наслаждения.

Не остался в стороне от критики гедонизма и поэт-елизаветинец Эдмунд Спенсер, наиболее ярко выразивший свое мнение по этому вопросу в эпиллии «Muiorotmos, или Судьба Мотылька», опубликованном в сборнике «Жалобы» (1590).

Сюжет этой ироикомической [Smith 1913: 82] поэмы, основанный на открывающей шестую книгу «Метаморфоз» Овидия истории ткачихи Арахны, посмевавшей вступить в состязание с самой Минервой, посрамленной богиней и превращенной в паука, был обогащен Спенсером обилием дополнительных мифологических аллюзий, позволивших поэту не только проявить гуманистическую эрудицию, но и коснуться се-

рзанных философских проблем, среди которых на первый план вышла проблема происхождения красоты и уродства, определяемых, по Спенсеру, характером животворящей силы. Так, грозная Минерва порождает уродство и злобу (паука Арагнолла), а прекрасная Венера даже в гневе создает божественную красоту, мотылька Кларииона.

Первая строфа поэмы традиционно интерпретируется комментаторами как пролог к ироикомической поэме, написанной под прямым влиянием псевдовергилиева «Комара», возможно, опосредованным псевдогомеровской «Батрахомиахией» [Allen 1956: 143], в котором возвышенным слогом постулируется рассказ о событиях из жизни незначительных букашек – героев “Μιουροτμος”, мотылька и паука, именуемых в стихе третьем «двумя великими» (“two mightie ones”¹). Отвлекаясь от антропоморфности насекомых [Anderson 1971: 96; Brown 2002: 254] и заложенной в начале XX столетия традиции расшифровки этих персонажей как аллегорических двойников Эссекса и Роли [Lyons 1916], Эссекса и Берли [Harris 1944], Спенсера и Берли [Grierson 1922], Сидни и Оксфорда [Hulbert 1928] и т. д., отметим, что как референтов «двоих великих» в образной системе поэмы следует рассматривать Минерву и Венеру. Божественный план эпиллия связан именно с этими обитательницами Олимпа. Спенсер не говорит о вражде, существовавшей между этими богинями, но миф о яблоке раздора, хорошо известный в эпоху Возрождения, позволял читателям воспринимать Минерву и Венеру в качестве соперниц. Клариион – жертва Венеры, разгневавшейся на смертную красавицу Астери и превратившей ее в мотылька, в контексте мифа о яблоке раздора вызывает еще одну небезынтересную аллюзию: мотылек может быть объектом раздражения остающейся за пределами повествования третьей участницы конфликта, Юноны, поскольку, по словам Спенсера, это маленькое создание затмевает красотой «птицу Юноны», павлина (Μιιο., ст. 95), а его положение любимца Минервы может лишь усилить направленный на него гнев ее грозных соперниц. Та же логика поясняет, почему равнодействующая фатальных сил благоприятствует пауку Арагноллу, прародительница которого стала жертвой Минервы и который питает лютую злобу и зависть к ее любимцу Кларииону. Тем самым история о поимке бабочки пауком прочно

вписывается в контекст античной мифологии и иллюстрирует вмешательство высших сил в судьбы малых сих.

Однако художественный замысел Спенсера отнюдь не исчерпывается фантазией на мифологические темы. Ренессансные эпиллии опирались на многовековую христианскую традицию аллегоризации языческих мифов, в процессе которой истории из жизни богов и героев превращались в элегантные, а порой и весьма неуклюжие повествовательные примеры, выразительные метафоры нравственных, метафизических или психологических идей.

История прародительницы Кларииона Астери в изложении Спенсера перекликается с сюжетом мифа о Психее, имя которой переводится с греческого как «душа», а древние греки, как известно, изображали человеческую душу в виде бабочки. Такой символизм был унаследован и христианской культурой. В европейской традиции Психея-душа часто изображается с крыльями мотылька, напоминая кельтских эльфов. Образ бабочки-души был, в частности, использован в «Божественной комедии» Данте (Чистилище, песнь 10-я, ст. 124–126). Спенсер также представляет своего Кларииона в виде чистой, незапятнанной грехом души, что подчеркивается его образованным по греческой модели говорящим именем со значением «чистый», «ясный». Клариион – чистая душа, бесстрашен и безмятежен, воплощая подлинно эпикурейскую атараксию, и до того, как он начинает познавать широкий мир, ему ничто не угрожает. Однако дальнейшее развитие сюжета эпиллия показывает, что Спенсер, в отличие от большинства современных ему авторов, делал различие между эпикурейством и гедонизмом.

Первый полет Кларииона приносит ему вполне естественное удовольствие. Он созерцает поля, долины, леса, реки, зеленые поляны и заливные луга (Μιιο., ст. 148–156). Однако наш маленький герой не желает довольствоваться тем, что предоставляет ему природа, в нем развиваются (“fanice”, “choicfull sense”, Μιιο., ст. 158 и 159) прихоти, разборчивость, жажда больших наслаждений.

Спенсер заимствует у Лудовико Ариосто идею изображения ложного парадиза в виде сада наслаждений, в описании которого акцентируется его искусственное происхождение. Если садовники эпохи Возрождения, создавая искус-

ственную красоту, считали себя соперниками природы и положительно оценивали попытки превзойти ее, то Ариосто и Спенсер использовали образ искусственного сада как метафору лжи [Beretta 1993: 142]. Таким образом, сады, где «...Искусство... пытается / Превзойти природное искусственными источниками наслаждения...» (“...Arte... doth aspire / T’excell the naturall, with made delights...”, Muio., ст. 165–166), несут Чистой Душе прямую угрозу. Пусть Клариион не совершил ничего предосудительного, но проявленная им слабость, выразившаяся в гедонистической одержимости стремлением к наслаждениям [Court 1970: 7] – наслаждениям пейзажами, ароматом и вкусом цветов, – сбивает мотылька с пути истинного и делает жертвой того «ветра», которому он так неосмотрительно бросал вызов (Muio., ст. 48). Из-за ветра он попадает в сеть, расставленную пауком Арагноллом, и погибает.

В христианском символизме образ ветра может приобретать выраженную отрицательную коннотацию (сатанинское начало, ветер «возмещает» прах, коим являются «нечестивые» (Пс. 1:4), разрушительный «большой ветер»-сатана погубил братьев и жилище пришедшего к праведнику Иову вестника (Иов. 1:19), ветер может быть символом сатанинской лжи и обмана (Иов. 15:2, Осии. 12:2)). «Вызов ветру», брошенный Клариионом, оборачивается для него жаждой наслаждений. У него появляются «ненасытная чувственность» (“glutton sense”, Muio., ст. 179), он «жадно» (“greedily”, Muio., ст. 204) набрасывается на символизирующие наслаждение цветы, он пребывает в «буйном довольстве» (“riotous sufficiency”, ст. 207). И гедонизм, таким образом, интерпретируется как заблуждение, дьявольское наваждение.

При этом формально Спенсер как будто бы выступает в поэме в защиту гедонизма:

What more felicitie can fall to creature,

Than to enjoy delight with libertie,

And to be Lord of all the workes of Nature,

To raine in th’aire from earth to highest skie,

To feed on flowers, and weeds of glorious feature,

To take what ever thing doth please the eie?

Who rests not pleased with such happines,

Well worthie he to taste of wretchednes.

(«Какое большее счастье может выпасть на долю смертного, / Чем наслаждение удовольствием и свободой, / Положение Владыки над

всеми творениями Природы, / Возможность господствовать в воздухе меж землей и самым высоким небом, / Питаться цветами и изумительными травами, / Вбирать в себя все, что только радует глаз? / Кто останется недовольным таким счастьем, / Вполне заслуживает вкусить несчастий». Muio., ст. 209–216).

Этот пассаж вполне можно воспринимать как сумму основных положений первой книги трактата Валлы. Однако завершающий строфу куплет несет в себе иронический подтекст, суть которого можно осмыслить только в системе самих гедонистических принципов: адепт гедонизма обречен на несчастье, так как ощущение довольства и счастья требует постоянной подпитки новыми чувственными радостями, оборачивающимися постоянным чувством неудовлетворенности, т. е. «несчастьем». Стремление Кларииона к удовольствиям можно понять и оправдать скоротечностью жизни, особенно короткой у мотыльков, однако именно конечность земного бытия, о которой поэт рассуждает в последующей строфе, в рамках христианской этической доктрины заставляет оценивать порывы Кларииона сугубо отрицательно. «Беспечный Клариион» (“careless Clariion”, Muio., ст. 375) предпочитает крайность золотой середине умеренности, за что его подстерегает бесславный конец в сплетенной демоническим Арагноллом паутине, которая в христианском символизме является олицетворением дьявольских козней.

Важно отметить, что Клариион изображается Спенсером как личность, наделенная свободой воли, свободой выбора, и поэт горюет о судьбе мотылька, потому что тот неправильно распорядился этими дарами, поддавшись слабости, нарушив эпикурейско-горацианский принцип *aurea mediocritas* и став рабом сиюминутных чувственных удовольствий.

Таким образом, мифологическая фантазия Спенсера может быть прочитана как текст с глубоким религиозно-философским содержанием. Идейную основу поэмы-параболы составляют размышления о вечной борьбе разума и чувств, добра и зла, соотношении силы судьбы и свободы воли, о вреде гедонистических устремлений, связанных с высвобождением чувственной стороны души из-под контроля разума, об опасностях самонадеянности и удовольствий, ведущих к гибели души.

Примечание

¹ Поэма цитируется по изданию: Spenser E. The Yale Edition of the Shorter Poems / ed. W. Oram, E. Bjorvand, R. Bond et al. New Haven; L., 1989. P. 412–430. Здесь и далее ссылки на него приводятся в тексте статьи (Муio.) с указанием порядкового номера цитируемых стихов.

Список литературы

Валла Л. Об истинном и ложном благе // Эстетика Ренессанса: в 2 т. / сост. В. П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 79–103.

Стам – *Итальянский* гуманизм эпохи Возрождения: сб. текстов / ред С. М. Стам: в 2 ч. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. Ч. 1. 239 с.

Трессидер Дж. Словарь символов. М.: Гранд, 1999. 443 с.

Allen D. C. On Spenser's "Muiopotmos" // Studies in Philology. 1956. Vol. 53. №2. P. 141–158

Allen D. C. The Rehabilitation of Epicurus and His Theory of Pleasure in the Early Renaissance // Studies in Philology. 1944. Vol. 41. №1. P. 1–15.

Anderson J. H. Nat Worth a Boterflye: *Muiopotmos* and *The Nun's Priest's Tale* // Journal of Medieval and Renaissance Studies. 1971. №1. P. 89–106.

Aristotle: Nicomachean Ethics / transl. and ed. by R. Crisp. Cambridge Univ. Press, 2000. P. 10–11. 259 p.

Ascham R. The Scholemaster // The Whole Works of Roger Ascham, Now First Collected and Revised, with a Life of the Author by Rev. Dr. Giles: in 3 vols. London: John Russel Smith, 1864. Vol. 3. P. 63–276.

Beretta I. "The World's a Garden": Garden Poetry of the English Renaissance. Uppsala: S. Academiae Upsaliensis, 1993. 208 p.

Brown E. C. The Allegory of Small Things: Insect Eschatology in Spenser's *Muiopotmos* // Studies in Philology. 2002. Vol. 99, №3. P. 247–267.

Burton R. The Anatomy of Melancholy / ed. A. R. Shilleto: in 3 vols. L.: G. Bell and Sons, 1903. Vol. 2. 302 p.

Court F. E. The Theme and Structure of Spenser's *Muiopotmos* // Studies in English Literature, 1500–1900. Vol. 10, №1. The English Renaissance. 1970. P. 1–15.

Grierson H. J. C. Spenser's *Muiopotmos* // Modern Language Review. 1922. №17. P. 409–441.

Harris R. B. The Butterfly in Spenser's *Muiopotmos* // Journal of English and Germanic Philology. 1944. №43. P. 302–316.

Hulbert V. H. A New Interpretation of Spenser's *Muiopotmos* // Studies in Philology. 1928. №25. P. 128–148.

Lorch M. The Epicurean in Lorenzo Valla's On Pleasure // Atoms, Pneuma and Tranquility: Epicurean and Stoic Themes in European Thought. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. 304 p.

Lyons J. M. Spenser's *Muiopotmos* as an Allegory // Publications of the Modern Language Association of America. 1916. №31. P. 90–113/

More Th., St. Utopia // More Th., St. Complete Works: in 15 vols / ed. J. H. Hexter. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1965. Vol. 4. 629 p.

Mulcaster R. The Educational Writings of Richard Mulcaster. L.; N. Y.: Macmillan and Co., Ltd, 1903. 245 p.

Nichols J. H. Epicurean Political Philosophy: The De Rerum Natura of Lucretius. Ithaca; N. Y.: Cornell University Press, 1976. 214 p.

Smith R. The Metamorphoses in *Muiopotmos* // Modern Language Notes. 1913. Vol. 28, №3. P. 82–85.

Spenser E. The Yale Edition of the Shorter Poems / ed. W. Oram, E. Bjorvand, R. Bond et al. New Haven; L., 1989. P. 412–430.

References

Valla L. Ob istinnom i lozhnom blage [De vero falsoque bono]// Aesthetica Renessansa [Aesthetics of the Renaissance]/ Compiled by V. P. Shestakov. Moscow: Iskusstvo, 1981. Vol. 1. P. 79-103.

Italianskii gumanizm epokhi Vozrozhdenija: sb. tekstov [The Italian Humanism of the Renaissance Age: an Anthology] /Ed. S. M. Stam: in 2 parts. Saratov: Saratov Univ. Publ., 1984. Pt. 1. 239 p.

Tressider J. Slovar Simvolov [The Dictionary of Symbols]. Moscow: Grand, 1999. 443 p.

Allen D. C. On Spenser's "Muiopotmos". Studies in Philology. Vol. 53. No. 2. 1956. P. 141–158

Allen D. C. The Rehabilitation of Epicurus and His Theory of Pleasure in the Early Renaissance. Studies in Philology. 1944. Vol. 41. No. 1. P. 1–15.

Anderson J. H. 'Nat worth a boterflye': *Muiopotmos* and *The Nun's Priest's Tale*. Journal of Medieval and Renaissance Studies. 1971. No. 1. P. 89–106.

Aristotle: Nicomachean Ethics / Transl. and Ed. by R. Crisp. Cambridge Univ. Press, 2000. P. 10–11. 259 p.

Ascham R. The Scholemaster // The Whole Works of Roger Ascham, Now First Collected and

Revised, with a Life of the Author by Rev. Dr. Giles: in 3 vols. London: John Russel Smith, 1864. Vol. 3. P. 63–276.

Beretta I. “The World’s a Garden”: Garden Poetry of the English Renaissance. Uppsala: S. Academiae Upsaliensis, 1993. 208 p.

Brown E. C. The Allegory of Small Things: Insect Eschatology in Spenser’s *Muiopotmos*. *Studies in Philology*. Vol. 99. No. 3. 2002. P. 247–267.

Burton R. The Anatomy of Melancholy / ed. A. R. Shilleto: in 3 vols. L.: G. Bell and Sons, 1903. Vol. 2. 302 p.

Court F. E. The Theme and Structure of Spenser’s *Muiopotmos*. *Studies in English Literature, 1500–1900*. 1970. Vol. 10. No. 1. The English Renaissance. P. 1–15.

Grierson H. J. C. Spenser’s *Muiopotmos*. *Modern Language Review*. 1922. No. 17. P. 409–441

Harris R. B. The Butterfly in Spenser’s *Muiopotmos*. *Journal of English and Germanic Philology*. 1944. No. 43. P. 302–316.

Hulbert V. H. A New Interpretation of Spenser’s *Muiopotmos*. *Studies in Philology*. 1928. No. 25. P. 128–148.

Lorch M. The Epicurean in Lorenzo Valla’s *On Pleasure. Atoms, Pneuma and Tranquility: Epicurean and Stoic Themes in European Thought*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. 304 p.

Lyons J. M. Spenser’s *Muiopotmos* as an Allegory. *Publications of the Modern Language Association of America*. 1916. No. 31. P. 90–113.

More Th., St. *Utopia // More Th., St. Complete Works: in 15 vols.* / ed. J. H. Hexter. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1965. Vol. 4. 629 p.

Mulcaster R. The Educational Writings of Richard Mulcaster. L.; N. Y.: Macmillan and Co., Ltd, 1903. 245 p.

Nichols J. H. Epicurean Political Philosophy: the *De Rerum Natura* of Lucretius. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1976. 214 p.

Smith R. The Metamorphoses in *Muiopotmos*. *Modern Language Notes*. 1913. Vol. 28. No. 3. P. 82–85.

Spenser E. The Yale Edition of the Shorter Poems / ed. W. Oram, E. Bjorvand, R. Bond et al. New Haven; L., 1989. P. 412–430.

CRITICISM OF HEDONISM IN «MUIOPOTMOS» BY EDMUND SPENSER

Irina I. Burova

Professor in the Department of Foreign Literature
Saint Petersburg State University

E. Spenser’s epyllion «Muiopotmos, or The Fate of the Butterflie» is considered within the context of perception and interpretation of hedonism in Renaissance England where it was erroneously associated with Epicurus’ doctrine and severely criticized by humanists throughout the XVIth century. Unlike Italian proponents of sensual pleasure, English thinkers believed the true pleasure should be of intellectual rather than physical nature. The unrestrained craving for sensual pleasure immanent in Clarion the butterfly, the hero of Spenser’s poem, resonates with the general frame of mind of the Renaissance presented in numerous philosophical and pedagogical treatises of the age. The plot of the epyllion is based on the story of Arachne, starting the sixth book of «The Metamorphoses» by Ovid, and provides the poet with the opportunity to show how appetite for pleasure emerges and grows in the beautiful butterfly but the momentary happiness Clarion experiences while gratifying his senses proves to be illusory and hedonistic flings only lead this charming creature to death. The danger of hedonism is emphasized in the imagery system of the epyllion by the fact that Aragnoll the spider has the wind as his ally in acting against Clarion, whereas in Christian symbolism wind is strongly associated with Satan. Though E. Spenser objectively shared eudaemonism of Italian followers of Epicurus, he used the story of Clarion as an occasion to criticize hedonism and propagate the ethical ideal of temperance as the golden mean between extremities of hedonism and austerity.

Key words: Edmund Spenser; Renaissance hedonism; Renaissance epicurism; criticism of hedonism; epyllion; Muiopotmos; golden mean.